

«Вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя»

Эти гамлетовские слова, пожалуй, наиболее идеальная формула, определяющая творческую судьбу народного артиста СССР **Инокентия Смоктуновского**.

Пройдя через тяготы войны, через боль утрат и радость Победы, в свои двадцать лет пережив столько, что другому и за всю жизнь не выпадет, Смоктуновский пришел в Театр, а театр его не принял.

Путь его к успеху был и долог, и труден, но никто и никогда не мог заставить его сойти с этого пути, приспособиться к чужому мнению, не совпадшему с его собственным.

Как говорят теперь театральные критики, «феномен» Смоктуновского закономерен, пробил его «час», пришло время искусства исповедального, отрицающего устоявшиеся штампы и трафареты, стремящегося к выявлению индивидуальности. Но... он пришел в театр слишком рано, намного опередив время.

— Этот период моей биографии «гонимого неудачника» стал легендой, которую отчасти я сам и распространил, — говорит Смоктуновский. — Действительно, во многих театрах, куда я приходил, мне говорили, что такие актеры у нас уже есть. Я шел на спектакль, смотрел на своих «двойников» и не находил ничего общего. Я не хотел играть так, как играли они. Им же, принявшим эту манеру, не был нужен я. И замыкался круг. За эти наглухо закрываемые передо мной двери, за реплики, раздававшиеся порой в мой адрес, я благословляю судьбу — она ждала своего часа. Повернись все иначе, и кто знает, может быть, не попал бы я на эту великую роль, не сыграл бы в 1957 году у Товстоногова князя Мышкина.

Когда-то Достоевский сказал: «...все мы вышли из гоголевской шинели». Смоктуновский считает, что все его герои «вышли из Мышкина».

...Режиссер Ленинградского Большого драматического театра Георгий Товстоногов готовился ставить спектакль по роману Достоевского «Идиот», но главного героя — князя Мышкина — у него не было.

Говорят, однажды во время репетиции какой-то пьесы Товстоногов вдруг воскликнул: «...глаза, у него «мышкинские глаза»!

Никто ничего не понял, а Товстоногов вспомнил, оказывается, актера, игравшего в фильме «Солдаты». Это был Инокентий Смоктуновский.

Послали гонцов. Смоктуновский обещал быть, говорил, что очень хочет вернуться в театр, а сам не шел. Он продолжал сниматься в кино и в театр не торопился. Однажды, на съемках фильма «Шторм», Смоктуновский встретился с актером Евгением Лебедевым, и тот уговорил его пойти «попробоваться» у Товстоногова.

— Мы репетировали восемь месяцев, — вспоминает Смоктуновский. — Из них семь с половиной все было так плохо, что меня не спасали даже «мышкинские глаза»!

Артисты отказывались играть со мной, устраивали обструкцию, говорили, что я полная несостоятельность, жаловались на мою неконтактность. Удовлетворить их требования было несложно, но я понимал, если играть так — это будет не Достоевский, состоится еще одно ординарное театральное представление. Их было много, я — один и поэтому молчал. Но... пусть неосознанно, материал все же накапливался, пока наконец не вылился в определенную конкретную личность. Помог случай.

На киностудии встретил я «прототип» Мышкина. ...Стоял человек ни на кого не похожий. В атмосфере крикливой суеты, какофонии ползузков, мерцании полувзглядов, полуулыбок, он был явлением какого-то мудрого покоя.

И я понял, чего мне недостает, что тщетно искал все эти месяцы!

Инокентий Смоктуновский.

Фото Игоря АЛЕКСАНДРОВА.

Огромного внутреннего равновесия, создания образа человека, постигнутого некую высшую мудрость жизни, несущего в себе мощный заряд духовной энергии и совершенно не зависящего от мира, в котором он живет. Человека цельного, не способного ни на подлулыбки, ни на полувзгляды — он весь или ничего! И жизнь его не подчинена никаким уложениям и законам, кроме одного-единственного — закона высшей нравственности.

Роль Мышкина в исполнении Смоктуновского — синтез работы мысли, сердца и души, вдохновенных талантом, — стала не только событием в творческой биографии актера, но и явлением в сценической трактовке Достоевского.

Потом он сыграл Сергина в спектакле «Иркутская история», физика Куликова в фильме «Девять дней одного года», Моцарта и, наконец, Гамлета.

— Мы репетировали на киностудии «Ленфильм» с режиссером Виктором Соколовым, — вспоминает Смоктуновский. — Он готовил свою дипломную работу, а я ему помогал. Там же сидел какой-то незнакомый мне человек. Замечаю, что он как-то странно на меня поглядывает, потом вдруг начинает «сопеть», когда что-то удачно получается. Мне все это не очень понравилось, но я старался не обращать внимания. Дождавшись конца репетиции, он подошел и сказал, что у него есть ко мне предложение. Он-де хочет поставить «Гамлета».

«А вы кто?» — спросил я. Он принял вопрос за шутку. «Вы, оказывается, еще и с юмором. Это прекрасно», — воскликнул он.

Никакого юмора не было. Я действительно не знал Григория Козинцева в лицо. В конце концов мы объяснились, и его помощники вручили мне сценарий... На следующий день, прочтя его, я... отказался. Сценарий показался мне чудовищным, пронизанным заставшими метафизическими символами и образами. Я сказал, что не могу играть столь надуманного человека да еще в таких невероятных ситуациях.

На второй странице, говорю я режиссеру, Гамлет у вас какой-то весь обессиленный, а дальше как играть, что с ним будет — их (страниц) в сценарии 124?! Или вот здесь он плачет, а на 27-й странице восклицает, что слезы ему неведомы?!

Козинцеву разговор наш совсем не понравился и тем более неожиданным для меня было его окончательное решение.

— Что вы к сценарию прицепились, — сказал он недовольно. — Забудьте о нем, делайте то, что сочтете нужным.

Я попытался было возразить, что для этого недостаточно знаю Шекспира.

— Кто же вам мешает, — отпарировал Козинцев. — Изучайте.

Больше на эту роль Григорий Козинцев никого не «пробовал». Когда же «Гамлет» вышел на экран, то еще долгое время будоражил он умы и сердца миллионов зрителей.

Более 70 ролей в кино и на телевидении, около 50 в театре!

Князь Мышкин, Гамлет, Циолковский, Чайковский, Моцарт. И все это — Смоктуновский. Тонкий исследователь человеческих душ.

И вдруг, совсем недавно... Плюшкин в «Мертвых душах» Гоголя, Барон (скупой рыцарь) в «Маленьких трагедиях» Пушкина, Иудушка Головлев в «Господах Головлевых» Салтыкова-Щедрина.

Гоголь назвал Плюшкина «прорехой на теле человечества», но вряд ли он произносил это смеясь.

Убожество наряда, весь облик его вызывают смех лишь поначалу, и как иллюстрация к тому, что не всегда же он был таким, мы видим сцены — психологические экскурсы в его прошлую жизнь. Был дом, семья и был он, Плюшкин, глава семьи — холеный русский барин.

Что стало? Страшно...

— И разве скупость главное в Плюшкине?

— Не-е-ет. — И я слышу в голосе актера интонации его героя. — Она лишь следствие искривления души. В старости все болезни обостряются и «бьют» в наиболее уязвимое место.

Куда более беспощаден Смоктуновский, представляя Головлева. Когда добро и зло находятся в противоборстве, еще есть надежда. Когда же внутри пустота и прикрывается она демагогией и лицедейством — это конец.

— Иудушке ничего не страшно и не стыдно. Нет в нем ни любви, ни ненависти. Он бесчувственный. И это свое отсутствие чувств он подменяет словами. Нескончаемый их поток обволакивает окружающих, и они тонут в нем, как пассажиры, закрытые в трюме погибающего корабля...

К чему стремится Смоктуновский? В чем видит он миссию актера? Показать человека во всех его проявлениях — от высшей нравственности до самых низменных пределов духовного падения. Он не играет — нет — живет создаваемым образом. От роли к роли совершенствуя свое мастерство, исполняет Смоктуновский высокое назначение актера-художника, актера-творца.

Светлана ДРОЗДОВА.